

В Корее термин школьная травля встречается на каждом шагу. Эта тема вечно болтается в самом низу списка трендовых запросов, поднимаясь выше лишь тогда, когда случаются вопиющие инциденты.

Равнодушным однокурсникам было всё равно. Все только и судачили:

— О, это же стажёр из той же тренировочной комнаты!

— Говорят, его взяли по блату? Не иначе, какой-то мажор?

— Да какой мажор пойдёт в Big Hit...

— Звучит так, будто он бездарность с хорошими связями, да?

Подобных разговоров было слишком много — любой на его месте не смог бы жить спокойно. Цзи Чэньцы с ледяным лицом сметал со стола издевательские поделки и оттирал гадкие слова, написанные помадой или чем-то ещё.

Юноша в самом расцвете сил покинул родной дом лишь ради того, чтобы однажды на сияющей сцене луч света упал именно на него. Но в чужой стране на него со всех сторон обрушивался нескончаемый поток злобы.

Цзи Чэньцы поднял взгляд на учителя, который даже не пытался вмешаться, и впервые ощутил, насколько холодно и безразлично человеческое сердце.

Месяц.

Целый месяц эта безмолвная травля продолжалась день за днём.

Всё вскрылось лишь тогда, когда Цуй Жаныцзюнь заметил странные пометки на школьной форме Цзи Чэньцы.

Цзи Чэньцы толкнул дверь ванной, вытирая полотенцем мокрые волосы, и увидел Цуй Жаныцзюня — тот стоял с покрасневшими глазами, сжимая в руках его форму. Цзи Чэньцы замер, молча глядя на него.

На самом деле, говорить было не о чем: этих людей всё равно не остановить. Даже если один отступит, на его место встанет другой. К тому же он иностранец — какой смысл жаловаться компании? Они бизнесмены, для них важнее репутация и выгода. А Цуй Жаныцзюнь... он ведь всего на три года старше, чем он может помочь? Ещё чего доброго, сам окажется в такой же ситуации.

Но Цуй Жаныцзюнь не думал об этом. Он просто знал, что младшего, с которым он вместе просыпался и засыпал, обижают. Его сердце разрывалось от боли: этот ребёнок всё терпел и молчал.

— Кто это сделал? — сдавленно спросил Цуй Жаныцзюнь.

— Всё хорошо, хён, это уже в прошлом, — спокойно ответил Цзи Чэньцы.

Цуй Жаныцзюню стало ещё хуже. Он чувствовал такую невыносимую тяжесть, будто ему не хватало воздуха. Этот ребёнок был у него перед глазами каждый день, как он мог быть таким невнимательным? Как он мог даже не заподозрить неладное? Какой же он после этого старший брат?

Цзи Чэньцы поспешил успокоить Цуй Жаныцзюня, который уже рыдал навзрыд:

— Правда, всё хорошо. Со мной всё в порядке, правда.

Мальчик стоял перед ним, полы его просторной одежды слегка покачивались при каждом движении... Такой худой, такой маленький, как же он мог сопротивляться несправедливости? Цуй Жаныцзюнь дрожащими руками обнял Цзи Чэньцы и, всхлиывая, погладил его по голове:

— Чэньцы, ты можешь больше полагаться на меня. Мне... мне так больно.

Цзи Чэньцы не любил телесных контактов, но, видя состояние Цуй Жаныцзюня, мог лишь вздохнуть. Он похлопал его по спине и тихо прошептал:

— Всё правда закончилось, Жаныцзюнь, не переживай!

Цуй Жаныцзюнь, продолжая всхлиывать, уткнулся лицом в шею Цзи Чэньцы. Тот чувствовал, как плечо намокает от слёз. Смирившись, Цзи Чэньцы закрыл глаза и прижался головой к плечу старшего, вдыхая свежий аромат, исходивший от него.

— Хён, ты сейчас выглядишь как извращенец, — усмехнулся Цзи Чэньцы.

Цуй Жаныцзюнь лишь шмыгнул носом:

— М-м.

В декабре за окном пошёл первый снег. Цзи Чэньцы смотрел на улицу и похлопал Цуй Жаныцзюня, который всё ещё прижимался к нему:

— Жаныцзюнь, кажется, снег пошёл.

Цуй Жаныцзюнь медленно поднялся, протёр покрасневшие глаза и посмотрел в окно в том же направлении, что и Цзи Чэньцы. Декабрьская Корея словно нажала на невидимую кнопку: пейзаж выглядел в точности как сцена искупления из какой-нибудь дорамы.

Цуй Жаныцзюнь взял Цзи Чэньцы за руку, его голос звучал глухо из-за заложенного носа:

— Когда выпадет первый снег, все грехи будут смыты.

Цзи Чэньцы моргнул, повернулся к всё ещё переживающему Цуй Жаныцзюню и постарался, чтобы голос звучал как можно бодрее:

— Неправда! Любое зло в конце концов получит по заслугам!

После первого снега начались экзамены в конце года.

— Скоро важная аттестация, надеюсь, вы соберётесь с силами, — объявили в зале.

Цзи Чэньцы наклонил голову, слушая соседа:

— Вау, снова конец года. Я тут уже три года, а президента так ни разу и не видел.

Цзи Чэньцы опустил взгляд на свои слегка подрагивающие ладони и равнодушно ответил:

— О? Правда?

Учитель танцев, стоявший впереди, заметил двух красивых парней, которые о чём-то шептались, и вздохнул:

— Цуй Жаныцзюнь, Цзи Чэньцы?

Оба подняли головы. Учитель нахмурился:

— Эти экзамены очень важны. Вы должны ухватиться за свой шанс.

В словах учителя сквозило нечто важное, но Цуй Жаныцзюнь, проучившийся здесь уже три года, воспринял это как обычное напутствие.

Пот, стекавший по шее, пропитал воротник, и светлая одежда выглядела уже не так опрятно. Цуй Жаныцзюнь выключил музыку, сел рядом и, взяв из рук Цзи Чэньцы бутылку воды, сделал большой глоток.

— О-о, нет ничего лучше ледяной колы после изнурительной тренировки... Ай! Ты чего щипаешься? — Цуй Жаныцзюнь обернулся к Цзи Чэньцы.

Тот рассмеялся, потирая место, где только что ущипнул старшего за мягкую кожу на руке:

— Ха-ха, прости. У нас же период диеты, потерпи немного!

Цуй Жаныцзюнь надул губы:

— Пф-ф, я сейчас с ног свалюсь, Чэньцы!

Цзи Чэньцы лишь вздохнул и стянул полотенце с шеи:

— Мы дебютируем, Жаныцзюнь.

Цуй Жаныцзюнь обнял парня за шею:

— Эй! Сколько раз тебе говорить? Зови меня хёном, мелкий!

Цзи Чэньцы, глядя на Цуй Жаныцзюня, который лежал у него на коленях, оскалился в улыбке:

— Есть, хён!

Цуй Жаныцзюнь хотел было сказать, что тут какой-то подвох, но услышал звонкий смех младшего.

— Ха-ха-ха! Раз так, угости меня сегодня ужином! Я ужасно голоден, хён!

Цуй Жаныцзюнь закатил глаза:

— Пф-ф.

Он обернулся на фигуру в серой толстовке, стоявшую неподалёку:

— Чэньцы, в Китае правда называют друг друга по именам, потому что очень близки?

Цзи Чэньцы поднял взгляд на растрёпанного юношу:

— Да, а что такое?

Цуй Жаныцзюнь покачал головой и счастливо улыбнулся:

— Ничего. Пошли быстрее в общежитие, с голоду умираю!

К всеобщему удивлению, подготовленный Цзи Чэньцы номер снова в последний момент заменили... Причина была ясна: тот парень стоял рядом с ним и вызывающе улыбался.

— Э? Ты же всегда импровизируешь, верно? Может, в этот раз потягаешься со мной? Попробуй выступить с тем же номером, что и я?

Тьма, казалось, была у этого парня на кончиках пальцев: стоило Цзи Чэньцы отказаться, как он готов был снова обрушить её на него. Цзи Чэньцы внезапно рассмеялся:

— Хорошо.

Он вдруг понял одну вещь. С этим нужно покончить раз и навсегда. Иначе — так и будет всю жизнь тянуться за ним, как заноза.

Цуй Жаныцзюнь видел, что Цзи Чэньцы снова сменили программу, и, заметив странные ухмылки в углу, почувствовал, как внутри всё похолодело.

— Почему ты каждый раз меняешь номер?

Цзи Чэньцы смотрел прямо в лицо явно недовольному Бан Шихёку — его взгляд был твёрд и полон достоинства.

— У меня нет особой причины. Я просто хочу показать кое-кому в этой комнате, на что я способен. Даже если я совсем не готовился, я всё равно заслуживаю этого больше, чем они.

Слова юноши звучали слишком самоуверенно, что вызвало лёгкий ропот. Бан Шихёк обвёл комнату взглядом и приподнял бровь:

— О? И кому же ты хочешь это доказать?

— Ли Шици.

Бан Шихёк, очевидно, не был знаком с этим именем. Нахмурившись, он долго искал кого-то взглядом, пытаясь сопоставить имя с лицом, и в конце концов спросил:

— Кто такой Ли Шици?

Очевидно, зачинщик не ожидал такого поворота. Дрожа, он поднялся со своего места:

— Это я...

<http://bllate.org/book/20961/2126657>